

МОРИЦ ГАЙГЕР

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

ОЛЕСЯ БЕССМЕЛЬЦЕВА (*пер. с нем.*)

Студент 2-го курса магистратуры кафедры истории зарубежных литератур Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

MORITZ GEIGER

ON THE PHENOMENOLOGY OF THE AESTHETIC ENJOYMENT

OLESYA BESSMEL'TSEVA (*trans.*)

The second-year master's student of the Department of History of Foreign Literatures at the Faculty of Philology at the St. Petersburg State University, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

Утверждение Канта о том, что эстетическое удовольствие (*Wohlgefallen*) «лишено всякого интереса», ни в коем случае не однозначно. Сначала [Кант]¹ определяет (§2, *Критика способности суждения*): «Интересом называется удовольствие, которое мы связываем с представлением о существовании предмета»² (Kant, 1913, 204). Для начала, будем придерживаться этого определения (и не

¹ В квадратных скобках вставки переводчика. — *Прим. пер.*

² Перевод по: (Kant, 1966, 204). — *Прим. пер.*

© OLESYA BESSMEL'TSEVA, TRANS., 2016

принимать во внимание в наших рассуждениях, что эта особенность призвана отделить удовольствие, вызванное прекрасным, от удовольствия, вызванного приятным и благим). Тогда мы можем для наших целей, не допуская ошибки в кантовском смысле, заменить удовольствие на наслаждение (*Genuss*), поскольку Кант не разделяет оба этих переживания. Итак, вначале утверждалось, что эстетическое наслаждение никогда не является наслаждением от представления о существовании некоего предмета, что существование предмета, вызывающего наслаждение, для наслаждения совершенно безразлично. С этим мнением мы можем полностью согласиться: мы и раньше видели, что наслаждение, вызванное фантазиями, может быть таким же сильным, как наслаждение, вызванное чувственным восприятием, что такого рода наслаждение фантазией ни в коем случае не предполагает, что воображаемые предметы *принимаются за* действительно существующие, и таким образом, представление о существовании предмета является безразличным для наслаждения. Впрочем, то же самое справедливо для всех видов наслаждения, в той степени, в какой они не являются наслаждением от наличия некоторого положения вещей, то есть — не только для эстетического наслаждения.

Но Кант тут же добавляет к своему определению одно замечание, которое переводит проблему в иную область. А именно, он пишет: «Поэтому такое (удовольствие — пояснение Гайгера)³ всегда имеет отношение также и к способности желания — или как её определяющее основание, или по крайней мере как необходимо связанное с её определяющим основанием»⁴ (Кант, 1913, 204). Здесь в дискуссию включается новый момент: отношение эстетического наслаждения к воле; и только эта связь вообще делает понятным (хотя и не оправдывает) то, что Кант здесь говорит об «интересе»; поскольку в своём определении интереса как такового Кант радикально отклоняется от привычного языкового употребления; никто не стал бы настаивать на мысли, что радость (*Freude*), вызванная приходом друга (удовольствие, связанное с существованием

³ В русском переводе на этом месте стоит «интерес». В оригинале имеем только артикль с местоимением среднего рода «ein solches». Эта группа может относиться как к слову «удовольствие», так и к слову «интерес» (в нем. яз. оба они среднего рода). В остальном, цитаты приводятся по каноническим русским переводам без отступлений. — *Прим. пер.*

⁴ Перевод по: (Кант, 1966, 204). — *Прим. пер.*

предмета) есть радость, исполненная интереса, в отличие от наслаждения некоторой комической ситуацией. Также и работы, написанные после Канта, рассматривают — по примеру Шопенгауэра — отношение эстетического наслаждения к воле прежде всего как «удовольствие, лишённое интереса»⁵. Согласно Канту, отношение представления о существовании предмета к воле выражено так: когда мы испытываем наслаждение или радость от *представления*, как будто мы действительно получили крупный выигрыш, тогда эта радость будет определяющим основанием, чтобы желать себе победы, чтоб жаждать победы; тогда как эстетическое наслаждение является чистым наслаждением от *содержания* представления и не пробуждает никакой жажды воплощения [этого представления]. В этом примерно заключается для Канта отличие наслаждения прекрасным от наслаждения приятным: «то, что моё суждение о предмете, в котором я признаю его приятным, выражает заинтересованность в нём, ясно уже из того, что через ощущение оно возбуждает желание обладать такими предметами»⁶ (Kant, 1913, 207).

Здесь мы также можем согласиться с Кантом, коль скоро он говорит об эстетическом наслаждении, но следует верно понимать его высказывание. Кант, конечно, не отрицает, что эстетическое наслаждение *действительно* может порождать желания любого рода. Художник, который представляет себе прекрасную картину и наслаждается ею в своём представлении, понятным образом ощутит желание выразить свои фантазии на холсте; также и наслаждение того, кто увидит готовую картину, пробудит в нём желание обладать этой картиной. Но такие связи будут непрямыми, они являются лишь психологическими фактами и касаются психологического *воздействия* наслаждения.

Напротив, существует некоторая внутренняя, не только фактическая связь между радостью от представления о существовании некоторого предмета и желанием, чтобы это представление перешло в сферу действительности. Из радости от представления, из мысли, как прекрасно было бы обладать этой вещью,

⁵ Я вынужден оставить здесь без внимания интерпретацию отсутствия интереса к предметной стороне, например, в связи с интенсивностью действия эстетической ценности (ср. например, Cohn, 1901, 30).

⁶ Перевод по: (Kant, 1966, 207). — *Прим. пер.*

желание произрастает закономерно — не только в качестве психологического факта. Такого рода внутренняя чувственная связь существует также в тех случаях, когда [процесс] *фактически* останавливается на уровне представления об этом существовании и не вызывает никакого желания, когда по психологическим причинам внутренние чувственные связи не оказывают воздействия.

Таким образом, нам было бы нечего возразить Канту до тех пор, пока мы остаёмся в пределах эстетического наслаждения и не спрашиваем, действительно ли отличие удовольствия, вызванного прекрасным, от удовольствия, вызванного приятным или благим, состоит в названных моментах, и не подходят ли приведённые определения также для описания других форм наслаждения, кроме эстетического.

Но и сам Кант довольно часто отклоняется от собственных определений. Он употребляет понятие интереса в другом смысле, кроме приведённого выше (например, когда он говорит: «каждый должен согласиться, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень пристрастно и не есть чистое суждение вкуса»⁷ (Kant, 1913, 205)). А кроме того, в некоторых случаях Кант рассматривает отношение воли к заинтересованному наслаждению совершенно иначе, чем это допускается начальным определением (например, когда он говорит: «всякий интерес предполагает потребность», или: «что касается интереса склонности при приятном, то каждый говорит: голод — лучший повар, и людям со здоровым аппетитом вкусным кажется всё, что только съедобно»⁸ (Kant, 1913, 210); то есть, случаи, в которых наслаждение следует воле, а не является ее [воли] определяющим основанием, как должно было бы быть, согласно Канту).

Из сказанного делается ясно, почему в дискуссиях о кантовском удовольствии, лишённом интереса, возникали все возможные значения интереса, которые не были связаны с кантовским определением, и обсуждались все возможные отношения воли к наслаждению.⁹ И мы в дальнейшем оставим в стороне кантовское определение того, как соотносятся эстетическое наслаждение, интерес и желание, и рассмотрим

⁷ Перевод по: (Kant, 1966, 205). — *Прим. пер.*

⁸ Перевод по: (Kant, 1966, 211). — *Прим. пер.*

⁹ Хороший обзор различных толкований кантовского «удовольствия, лишённого интереса» даёт Basch, V. (1896). *Essai critique de l'esthétique de Kant*. Paris: Alcan.

это отношение объективно, без оглядки на Канта.

При этом нам следует полностью освободиться от весьма примечательного определения интереса у Канта: феномен интереса не может рассматриваться как какой-то особенный вид удовольствия, как это делает Кант. То, что я с «интересом» наблюдаю за ходом войны между двумя государствами, вовсе не значит, что я наблюдаю его с удовольствием. Столь же мало связан интерес с представлением о существовании предмета. Меня может интересовать содержание моих фантазий, но при этом я не обращаю внимание на представление об их реальности, и интерес к математике не будет ни заинтересованностью в представлении о существовании математики, ни интересом в самом этом существовании. Конечно, я также могу быть заинтересован в существовании некоторого предмета, например, заинтересован в том, чтоб было хорошее железнодорожное сообщение между тем местом, где я родился, и местом, где я живу и т.д.

Итак, интерес никак не связан ни с удовольствием, ни с существованием [предмета], но есть прежде всего некая особая форма установки Я по отношению к предметам. Я могу смотреть на человека «с интересом» и «без интереса». При этом ничто не меняется в содержании моего созерцания, но моя совокупная внутренняя позиция по отношению к предмету наблюдения меняется. Когда я узнаю в господине на улице хорошо известного мне писателя, я вдруг начинаю смотреть на него с «интересом» — я сморю на него «другими глазами», при этом изменяется способ того, как предмет мне даётся, как он мне раскрывается, и тогда изменяется также и моя внутренняя позиция по отношению к предмету. Противоположностью понятия «интерес» является отсутствие интереса, равнодушие к вещам — в то время, как противоположностью удовольствия будет не равнодушие, а неудовольствие.

В некотором более широком смысле всякая продиктованная чувством установка сопровождается «интересом»: в наслаждении, в радостном переживании чего-либо, в чувстве печали из-за чего-то, а также в чувстве гнева содержится известный интерес к предмету [этих эмоций]. В этом заключается противопоставление того, что меня затрагивает, тому, что меня не затрагивает, оставляет меня безразличным. Когда один говорит, что кто-то ему нравится или не нравится, его раздражает или радует, другой на это может ответить, что его этот человек слиш-

ком мало интересует, чтобы было возможно занять по отношению к нему ту или иную позицию: так, для *всякой* внутренней позиции по отношению к некоторому человеку необходим *известный* интерес к нему.

Однако о действительном интересе к чему-то мы говорим всё же только тогда, когда это внутреннее участие преодолевает определённый минимальный порог, когда как раз «интересоваться чем-то» придаёт переживанию особенный оттенок заинтересованности.¹⁰ Мы говорим, что нас интересует некое занятие, лишь в том случае, когда внутреннее участие чётко выступает как переживание, в то время как всякое интенсивное занятие чем-то, конечно же, предполагает известную степень интереса; даже если, возможно, заинтересованность в некоторой вещи поначалу вызвана интересом к чему-то другому, связанному с этой вещью, [например,] интерес к определённой деятельности в некоторой профессиональной сфере [вызван] тем, что эта профессия обещает материальный успех и т.д. Причём, разным людям даётся в распоряжение разная мера интереса. Есть люди, которые практически всё делают с интересом, которые на ничтожное задание реагируют со всем интересом; но есть и другие, в которых интерес пробуждают лишь некоторые немногие вещи. Также и то, что пробуждает интерес, меняется в зависимости от склонности, воспитания и т.д. Мы не анализируем далее этот общий феномен интереса, который связан с целым рядом проблем.

От этого самого общего феномена интереса отделяются теперь другие, которые мы тоже будем называть «интересом». Мы только что говорили об интересе как внутреннем участии, об интересе к чему-то, к искусству или политике, древностям или коллекционированию бабочек. Но об интересе говорят и как о заинтересованности в чём-то в весьма специальном смысле. Некто испытывает интерес к скачкам, но вовсе не заинтересован в том, чтоб победила именно эта конкретная лошадь (т.к. он, например, поставил не на эту лошадь). Мы будем в этом последнем смысле употреблять [понятия] «быть заинтересованным» и «незаинтересованность» — в отличии от [понятий] «испытывать интерес» и

¹⁰ Естественно, что и в эссе Ритук (Ritook, 1910, 367), где эстетический предмет рассматривался как [предмет], который нравится вопреки отсутствию интереса, интерес в широком смысле всё же наличествовал. Отсутствовал только интерес в специальном смысле.

«отсутствие интереса». Люди, у которых отсутствует интерес, зачастую вовсе не являются «незаинтересованными» людьми.

Так, в понятие интереса привносится новое значение. Отныне мы не считаем заинтересованностью просто захваченность предметом, [простое обращение к предмету] «с интересом», но [заинтересованностью будет] захваченность в силу некоторого более специального отношения предмета ко мне, например, в силу выгоды, которую я от этого предмета ожидаю, в силу некоторого преимущества, которое я от него имею. Интерес, который я испытываю к предмету, исходит в таких случаях не напрямую от предмета, не исключительно из внутренней занятости этим предметом — я не просто охватываю вниманием предмет, [не просто обращаюсь к нему] с интересом, но этот предмет приобретает интерес в силу некоторого отношения ко мне, например, как средство достижения цели, причём цель, в свою очередь, касается меня, а не является чисто объективной. Интерес к заботе о бедных является чистым [интересом] по существу, незаинтересованным, в отличие от заинтересованности в собственной славе.

Так, выходит, что заинтересованный интерес противопоставляется незаинтересованному. Незаинтересованный интерес подразумевает, что предмет сам в силу своей природы удерживает моё внимание; заинтересованный интерес — что предмет становится интересным либо в силу своего отношения к самости (Selbst) наблюдателя, либо в силу отношения к чему-то другому (к пользе, например), к тому, что, однако, само в свою очередь становится интересным в силу своей значимости для Я — для того Я, которое мы назвали самостью (Selbst).

Здесь мы возвращаемся к различиям, которые мы отметили при исследовании наслаждения своим настроением: Я, которое испытывает интерес к определённым вещам, есть попросту Я переживающее, Я регистрирующее. Я *заинтересованное*, напротив, — это Я, которое воделеет, которое ставит акцент на «моём», это Я, значимость которого чувствует самодовольный человек (*der Selbstgefällige*¹¹), — «Я-самость» (*das «Selbst»*); при этом, такой своекорыстный (*selbstlich*¹²) интерес вовсе не обязательно будет эгоистичным в узком смысле.

¹¹ Курсив мой. — Прим. пер.

¹² Курсив мой. — Прим. пер.

Какую роль играют оба этих типа интереса в эстетическом наслаждении? Само собой разумеется, что мы необходимо испытываем интерес к тому, чем мы эстетически наслаждаемся, и что эстетическое наслаждение возрастает с ростом внутреннего участия или интереса к предмету, который мы созерцаем. Чем больший «интерес» испытываем мы к материи и к способу её [художественного] оформления (Behandlung), тем легче наступает наслаждение, тем действеннее становятся моменты, мотивирующие наслаждение. Не случайно поэзия вновь и вновь обращается к теме любви во всё новых вариациях и, таким образом, использует тот сильный интерес, который большинство людей испытывают к этой материи; в то же время там, где этот интерес отсутствует, вместе с интересом к «скучным любовным историям», как правило, отсутствует и эстетическое наслаждение от чтения этих историй. Если материя сама по себе тяготеет к тому, чтоб пробуждать всеобщий интерес, если не нужно полагаться на то, что наблюдатель сам привнесёт свой *специальный* интерес [в материю], в этих случаях мы говорим об «интересных» материях. Так, по всеобщему мнению содержание трудов Ницше считается уже само по себе более интересным, чем сочинение о формальной логике.

Итак, если принять, что эстетическое наслаждение (или скорее, эстетическое созерцание в наслаждении) в этом смысле никак не «лишено интереса», тогда проблема значительно усложняется, если мы зададимся вопросом, является ли эстетическое наслаждение заинтересованным или не является таковым.

С одной стороны, всякое наслаждение является «заинтересованным», в противоположность к радости, как мы уже это отмечали выше. В этом случае мы характеризовали радость как [чувство] незаинтересованное, т.к. радость направлена на предмет, т.к. моменты удовольствия (Lust) связаны с самим обращением к предмету. С другой стороны, всякое наслаждение является «заинтересованным», оно оказывает возбуждающее воздействие на Я, удовольствие (Lust) связано с Я, содержится в Я — в этом смысле всякое наслаждение есть наслаждение собой [самостью] («Selbst»genuß). Тогда нам следовало бы сказать: наслаждение как таковое является во всех случаях «заинтересованным», т.е. и в случае эстетического наслаждения.

Здесь говорилось о заинтересованности наслаждения как такового. Совершенно другой вопрос, содержится ли в созерцании, в обращении к предмету

некое отношение к Я, некоторая заинтересованность. Тут следует ответить: эстетическое наслаждение исключает всякого рода заинтересованность в объекте наслаждения.

Прежде всего, все случаи заинтересованности в некотором предмете из-за пользы, которую я могу извлечь [из этого предмета], из-за преимущества, которое мне сулит этот предмет, т.е. по причине какой-либо мотивировки вообще исключаются из возможности наслаждения, в том числе эстетического. Если некто заинтересован в росте цен на мясо, потому что этот некто является скототорговцем, то он, конечно, обрадуется росту цен, *поскольку* ожидает [от этого роста] существенную прибыль. Он может наслаждаться ростом цен, но, как мы видели, обстоятельство ожидаемой весомой прибыли не обосновывает наслаждение, но является его причиной, быть может, источником наслаждения. Однако, такое наслаждение не есть чистое наслаждение предметом, не есть незаинтересованное наслаждение, напротив, здесь предмет связывает интерес, который он мне внушает, с пользой, которую [этот предмет] мне приносит. Итак, если даже само наслаждение — в этом случае менее, чем когда-либо — не является обоснованным, а наоборот — необоснованным, то интерес в предмете будет всё же обоснован прибылью, ожидаемой от роста цен на мясо. Напротив, эстетическое наслаждение требует, чтобы также и интерес [заинтересованность] в созерцаемом предмете был необоснованным, чтобы он, интерес в *этом* [конкретном] предмете, просто был. Так, в эстетическом наслаждении должен содержаться совершенно «необоснованный», и, таким образом, в отношении пользы полностью незаинтересованный интерес. Таков первый смысл положения о том, что эстетическое созерцание должно быть «незаинтересованным»: интерес в предмете должен быть необоснованным.

Но даже когда интерес в предмете наслаждения является необоснованным, он всё-таки может быть заинтересованным; во всех тех случаях, когда уже в обращении к предмету каким-то образом содержится отношение к самости (Selbst). Во всех подобных случаях возбуждение Я происходит не исключительно через приятие (Aufnahme) предмета, но Я приходит в возбуждение из отношения к [своей] самости (Selbst).

И совсем другим способом отношение к самости (Selbst) может содержаться уже в обращении к предмету. Объект наслаждения как таковой может иметь

отношение ко мне. Мы можем наслаждаться своей ловкостью — можно наслаждаться тем, до чего ты хорош.

Далее, мы обнаружили, что в наслаждении переживаниями может уже быть задето «*само*» («*selbst*») переживание, что наслаждение может быть наслаждением определённого способа чувствования себя (наслаждение настроением, поскольку оно является моим [настроением]).

В обоих этих случаях самость (*das Selbst*) тем или иным образом принимала участие в создании предмета [наслаждения]; в других случаях, напротив, самость (*das Selbst*) влияет на схватывание предмета лишь через способ того, как предмет мне дан: знакомый мне пейзаж как таковой ничего не содержит в себе от [моей] самости (*das Selbst*). Однако мы, созерцая этот пейзаж, не будем [чувствовать себя] незаинтересованными — здесь источником заинтересованного наслаждения будет то, как этот пейзаж предстаёт и даётся мне в своей принадлежности ко мне.

Иначе обстоит дело со сферами приятного и эротического. В таких случаях следует различать три возможности: во-первых, чтобы прояснить на примере, рассмотрим наслаждение пищей после долгого голодания. Здесь вкус пищи будет лишь отчасти источником наслаждения, больше — утоление голода. Соответственно, здесь имеет место не столько наслаждение *от* пищи, сколько наслаждение *в* утолении голода, и такого рода наслаждение является в высшей степени заинтересованным. На той же ступени заинтересованности стоит наслаждение такого рода, когда грубо-чувственное желание утоляют созерцанием красивого тела.

Но в наслаждении пищей, кроме утоления голода, содержится ещё наслаждение двоякого рода: мы ощущаем вкус пищи, вкус вина, что есть чистое обращение к предмету, столь же незаинтересованное, как и созерцание пейзажной картины. Но пищу мы можем также смаковать, вино — потягивать, отдаваясь в обращении к [предмету] [его] приятному очарованию, и тогда уже в обращении к [предмету] содержится заинтересованность; мы отдаём себя приятному воздействию [пищи и вина] подобно тому, как позволяем ласкать наше тело тёплой воде при купании. В этом случае уже ничего не остаётся от незаинтересованной дегустации, которую мы можем причислить к эстетическому наслаждению в широком смысле — здесь лишь исключительно чувственное наслаждение. И к этому типу

наслаждения мы должны будем причислить также созерцание прекрасного тела, исполненное эротическим наслаждением, в противоположность эстетически-незаинтересованному [созерцанию], которое по существу и предметно охватывает вниманием все качества тела, в том числе [его] эротическое [воздействие].

Этими примерами из наших более ранних рассуждений можно проиллюстрировать то, что мы подразумеваем, когда определяем эстетическое наслаждение как наслаждение, наступающее *при незаинтересованном созерцании полноты предмета*. А не при созерцании, лишённом интереса; напротив, глубокий интерес есть предпосылка интенсивного наслаждения. И в дальнейшем определение «незаинтересованный»¹³ нельзя относить напрямую к наслаждению как таковому: незаинтересованным должно быть созерцание, а не наслаждение. Ведь любое наслаждение, как мы видели, всегда будет заинтересованным в силу его возбуждающего воздействия на Я.

Эти размышления позволяют нам занять некоторую позицию по отношению к вопросу, затронутому Кантом, об отношении наслаждения и воли. Что бы ни было *действительно* связано с наслаждением в моментах вожделения, всё это интересует нас столь же мало, сколь мало это интересовало Канта. То, что эстетическое наслаждение произведением искусства может вызвать желание обладать [этим произведением], что эстетическое наслаждение прекрасным телом может стать мотивом сексуального вожделения, — со всем этим можно без долгих слов охотно согласиться на радость противникам Канта (так же, как с этим согласился бы и сам Кант). Ницше, выступая с критикой Канта и Шопенгауэра, тоже не настаивает на действительной связи между наслаждением и желанием: «Но если допустить, что Шопенгауэр стократно прав в отношении своей собственной персоны, что дало бы это для уразумения сущности прекрасного? Шопенгауэр описал один из эффектов прекрасного, эффект волеутоляющий — единственно ли он регулярный? Стендаль, как сказано, — натура не менее чувственная, но более счастливо удавшаяся, чем Шопенгауэр, — подчеркивает другой эффект прекрасного: “прекрасное *сулит* счастье”; существенным предстает ему как раз

¹³ Кавычки переводчика. — Прим. пер.

возбуждение воли («интереса») через прекрасное»¹⁴ (Nietzsche, 1921, 410).

Но нас интересует не вопрос о том, как психологически соотносятся наслаждение и воля в том или ином человеке, но о том, как по сути своей устроена связь между наслаждением и желанием — прежде всего о том, нет ли желания в эстетическом наслаждении.

Здесь снова можно обратиться к вышесказанному: всякое наслаждение есть приятие (Aufnahme), отдача (Hingabe), пассивность (Passivität) — именно в этом ключе противопоставили мы наслаждение всякой воле. Так, под наслаждением, в том числе эстетическим, уже согласно его сущностной закономерности понимается молчание активности и с тем — воли. Но ещё сильнее, чем в наслаждениях другого рода, даёт о себе знать отсутствие моментов воли в наслаждении эстетическом. В эстетическом наслаждении отсутствует внутреннее притяжение предмета наслаждения, отсутствует порывистая жажда бурного наслаждения. Также нет и той сущностно-закономерной связи воли с предметом наслаждения, которую мы находили в наслаждении, вызванном представлением о существовании некоторого предмета, где наслаждение, вызванное представлением о приходе друга, одновременно сопровождается желанием того, чтобы это представление стало реальностью. Итак, мы обнаруживаем следующее: в эстетическом наслаждении активность отсутствует как в качестве составляющей процесса обращения к предмету, так и в качестве сущностно-закономерного следствия наслаждения. Но также отсутствует отношение к активности в том качестве, в каком оно наглядно проявляется в ряде [примеров] заинтересованного наслаждения. Всюду, где наслаждение является наслаждением, вызванным удовлетворением некоторого влечения, некоторого воления, некоторого желания — во всех этих случаях влечение, воля, желание, разумеется, должны предшествовать [моменту] [их] удовлетворения. И наконец, в эротически-заинтересованном созерцании прекрасного тела, а тем самым и в эротически-заинтересованном наслаждении лежит сущностно-закономерная тенденция перейти от такого наслаждения к сексуальному вожделению. Напротив, в эстетическом наслаждении отсутствуют всякие волевые моменты: как те, для которых источником является активность наслаждений

¹⁴ Перевод по: (Nietzsche, 1990a, 479). — *Прим. пер.*

другого рода, так и те, что берут начало в заинтересованности наслаждения.

Такая незаинтересованность и отсутствие воли эстетического наслаждения есть то, что, совместно с растворением принимающего установку Я в Я наслаждающемся, складывается в «самозабвенность» («*Selbstvergessenheit*») эстетического наслаждения, которую нельзя путать с «забвением о Я» (*Ichvergessenheit*), т.е. отсутствием сознания собственного Я: лишь та активная самость (*Selbst*), которая изъявляет волю, которую что-то интересует, которая принимает некую установку, лишь она растворяется в чистом созерцании, уступая место предмету; при этом, момент сознания Я всё же присутствует в качестве воздействия на Я, которое оказывает предмет. Прав Шопенгауэр, когда он снова и снова подчёркивает, насколько редко приходит это состояние выключенной самости (*Selbst*) — как редко умолкают все наши интересы с тем, чтобы было возможно созерцание, лишённое воли. Конечно, Шопенгауэр преувеличивает, когда говорит, что большинство людей, так называемых «массовых продуктов природы», вообще не способны к эстетическому наслаждению, так как они не могут заставить умолкнуть свою волю; несомненно, верно по крайней мере то, что для осуществления такого рода безвольного созерцания сложного произведения искусства должен одновременно прийти в действие целый ряд благоприятствующих психологических обстоятельств в человеке. И вполне возможно, что существует куда больше людей, чем мы обычно предполагаем, которым почти никогда не удаётся подобное внутреннее освобождение от собственных интересов, подобное умолкание воли. Что эти люди никогда не испытывают состояния, с таким энтузиазмом представленного Шопенгауэром: «то безболезненное состояние, которое Эпикур славил как высшее благо и состояние богов, ибо в такие моменты мы сбрасываем с себя унизительное иго воли, празднуем субботу каторжной работы желания, и колесо Иксиона останавливается»¹⁵ (*Schopenhauer*, 1873, 231).

Лишь в двух моментах можно заметить отдалённое отношение наслаждения к воле: во-первых, в том, что всякому наслаждению свойственна тенденция продолжаться, застыть в наслаждении, внутренне продлить его: «Ведь всякое

¹⁵ Перевод по: (*Shopengauer*, 1992, 207). — *Прим. пер.*

удовольствие желает вечности»¹⁶. Однако, эта тенденция ощущается в действии лишь в момент прекращения [наслаждения]; но и тогда эта «тенденция» ещё далеко не стремление, не говоря уже о желании или волеии. Немногим отличается и второй момент: он состоит в той внутренней склонности, той внутренней отдаче, которую мы можем испытывать к объекту нашего эстетического наслаждения — в том чувстве внутреннего притяжения к художественному полотну, которым мы эстетически наслаждаемся. Но и эта «склонность» лишь отдалённо состоит в родстве с отдельными моментами, которые порой обнаруживаются в проявлениях воли и желания — то есть она [эта «склонность»] ни в коем случае не есть сама воление или желание.

REFERENCES

- Basch, V. (1896). *Essai critique de l'esthétique de Kant*. Paris: Alcan.
- Cohn, B. J. (1901). *Allgemeine Ästhetik*. Leipzig: Wilhelm Engelmann.
- Kant, I. (1913). *Kritik der Urteilskraft* (Akademieausgabe). Berlin: Reimer.
- Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzheniya*. [Critique of Judgement]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Nietzsche, F. (1921). *Zur Genealogie der Moral*. Stuttgart: Alfred Kröner.
- Nitsche, F. (1990). *Genealogiya morali*. [On the Genealogy of Morality]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Nitsche, F. (1990). *Tak govoril Zarathustra*. [Thus spoke Zarathustra]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Ritook, E. (1910). Zur Analyse der ästhetischen Wirkung auf Grund der Methode der Zeitvariation. In *Zeitschrift für Ästhetik* 5 (356-407, 512-544). Stuttgart: F. Enke.
- Schopenhauer, A. (1873). *Die Welt als Wille und Vorstellung*. Leipzig: Brockhaus.
- Shopengauer, A. (1992). *Mir kak volya i predstavlenie*. [The World as Will and Representation]. Moscow: Moscow club. (in Russian).

¹⁶ «Denn alle Lust will Ewigkeit», известная цитата из Nietzsche, F. (1883) *Also sprach Zarathustra*. Перевод дословный, мой. В тексте по (Nitsche, 1990b, 166) эта цитата переведена следующим образом (приводится с контекстом): « [...] А радость рвется в отчий дом, [...] В свой кровный, вековечный дом!» — Прим. пер.